Научная статья
УДК 343.25
EDN UHTGVZ
DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).585-596

БЕССМЕРТНА ЛИ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

А.И. Коробеев
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
15 марта 2026 г.

Дата принятия к публикации
26 октября 2026 г.

Дата онлайн-размещения
25 ноября 2026 г.

Ключевые слова

Смертная казнь; вид наказания; запрет на применение; основания для применения

Аннотация. В настоящее время вопрос о сохранении в уголовном законе и применении в судебной практике такого вида наказания, как смертная казнь, является чрезвычайно острым и дискуссионным. Анализ современной доктрины уголовного права, как отечественной, так и зарубежной, свидетельствует об отсутствии единства мнений среди исследователей феномена смертной казни, о непримиримости позиций сторонников (ригористов) и противников (аболиционистов) ее сохранения как вида уголовного наказания. В статье рассмотрены потенциальные и реальные возможности этого наказания в борьбе с современной преступностью, проанализированы подходы Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ к его оценке, нормы международного уголовного права, практика применения смертной казни в России и других странах мира.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что смертная казнь в целом соответствует общим конституционным требованиям к уголовному наказанию, предусмотренным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, ее не только можно, но и нужно сохранить в системе наказаний, разблокировать мораторий на ее применение и применять за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности). Для такого вывода существуют религиозные, философские и юридические основания.

Для цитирования. Коробеев А.И. Бессмертна ли смертная казнь как вид уголовного наказания в современной России? / А.И. Коробеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).585-596. — EDN UHTGVZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 5. — С. 585–596.

Original article

IS DEATH PENALTY IMMORTAL AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN MODERN RUSSIA?

Alexander I. Korobeev
Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2026 March 15

Accepted
2026 October 26

Available online
2026 November 25

Keywords

Death penalty; type of punishment; prohibition of application; grounds for application

Abstract. The issue of preserving death penalty in criminal law and applying it in court practice currently remains acute and highly debatable. The analysis of modern criminal law doctrine, both Russian and foreign, shows that there is no unity of opinion among researchers studying the phenomenon of death penalty, and the positions of the supporters (rigorists) and opponents (abolitionists) of preserving it as a type of criminal punishment are unreconcilable. The author examines the potential and actual possibilities of this punishment for counteracting modern crime, analyzes the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation to its assessment, the norms of international law, and the practice of using death penalties in Russia and other countries.

The conducted study allows the author to conclude that death penalty, on the whole, corresponds to the general constitutional requirements to criminal punishment stated in Part 3, Art. 55 of the Russian Constitution, and it could and should be preserved in the system of punishments, the moratorium on its use should be lifted, it should

© Коробеев А.И., 2026

be applied in the most appalling and high-profile cases of extraordinary murders (especially those connected with terrorist crimes). There are religious, philosophical and legal grounds for such a conclusion.

For citation. Korobeev A.I. Is Death Penalty Immortal as a Type of Criminal Punishment in Modern Russia? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 5, pp. 585–596. (In Russian). EDN: UHTGVZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(5).585-596.

Смертная казнь есть, возможно, самый древний вид уголовных наказаний и, несомненно, — самый жестокий из них. Это наказание известно всем государствам мира с библейских времен. Генезис же его следует искать в гораздо более отдаленном периоде истории рода человеческого, когда повсеместно действовал обычай кровной мести и причинитель зла элементарно уничтожался.

К настоящему моменту практически все криминалисты (и в России, и за рубежом), исследующие социокультурный феномен смертной казни, разделились на два лагеря: сторонников (ригористов) и противников (аболиционистов) ее сохранения как вида уголовного наказания. Ими сформулирован исчерпывающий перечень аргументов, подтверждающих обоснованность той или иной точки зрения. Рассмотрим их подробнее.

В наше время самую развитую систему аргументов, подтверждающих неэффективность смертной казни как инструмента в борьбе с преступностью, можно встретить в работах В.Е. Квашиса. Все они вписываются в следующую парадигму.

А. Сдерживание преступности путем устрашения суровым наказанием, переоценка значимости и возможностей достижения стоящих перед наказанием целей общего предупреждения — одна из кариатид, на которых издавна зиждется убежденность сторонников смертной казни в ее необходимости. Наивная вера в эффективность предупредительного воздействия смертной казни основана на мифологических представлениях о том, что ужесточение наказания, применение наиболее суровых мер снижают уровень тяжких преступлений. Между тем давно доказано, что расчет на ужесточение репрессии основан на иллюзиях.

В. Многовековой исторический опыт, многочисленные научные исследования, проведенные в разных странах, практика борьбы с преступностью показывают, что даже в благополучном обществе страх перед суровым наказанием если и способен удержать от преступления, то лишь весьма незначительную часть потенциальных преступников.

С. Угроза смертной казни не остановит ни маньяка, ни наемного киллера, ни фанатика-террориста. Что же касается основной массы тривиальных бытовых убийств, чаще всего совершаемых на почве безмерного употребления алкоголя, то они в подавляющем большинстве случаев носят ситуативный характер и потому не содержат даже намека на оценку угрозы и, следовательно, борьбу мотивов.

В обоснование своей позиции В.Е. Квашис приводит результаты наиболее крупных исследований эффективности смертной казни, проведенных в разных странах [1].

Аргументация сторонников смертной казни (Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель, Г. Гумплович, М.М. Щербатов и др.) носит, как правило, асимметричный характер и сводится к следующему.

1. Прогресс науки и техники, бесспорный факт «технократического рывка» сами по себе еще не есть достаточные основания для отмены смертной казни, рассуждение же о духовно-нравственном прогрессе является фикцией в чистом виде, так как человечество становится все хуже; поэтому тезис о том, что смертная казнь противоречит идеям прогресса, цивилизованности, — совершенно бездоказателен [2, с. 16].

2. Теория договора трактуется таким образом, что именно по нему человек предоставил другому право на свою жизнь в известных случаях.

3. Смертная казнь как вид уголовного наказания обладает определенным превентивным эффектом.

4. Смертная казнь (в силу ряда причин) не может быть вытеснена из арсенала мер борьбы с преступностью и замещена пожизненным лишением свободы.

5. Даже потенциально возможное совершение судебных ошибок при назначении смертной казни не может поколебать принципиальную допустимость ее сохранения как вида уголовного наказания.

6. Столь же опровержимым, с точки зрения ригористов, является тезис их оппонентов о якобы безоговорочном и бескомпромиссном

тренде международного права в сторону тотального исключения смертной казни как вида наказания.

7. Самым распространенным (а по мнению некоторых, и наиболее убедительным) аргументом в пользу сохранения смертной казни является ссылка на общественное мнение. Суть аргумента в том, что в общественной психологии и обыденном правосознании населения давно укоренилась и по сию пору сохраняется глубокая и искренняя убежденность в оправданности, нужности и полезности смертной казни, а стало быть, и в необходимости ее существования впредь.

8. Укрепляет ригористов в сознании своей правоты и анализ тенденций в развитии уголовного законодательства и практики его применения в различных странах мира.

Рассмотрим и мы потенциальные и реальные возможности смертной казни (если таковые обнаружатся) в борьбе с современной преступностью. Для начала отметим, что полемика вокруг смертной казни в настоящий момент уже перешла из сугубо теоретической сферы в область практической уголовной политики.

Дело в том, что при вхождении в 1996 г. в Совет Европы Россия подписала Дополнительный протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, взяв на себя тем самым обязательство законодательно отменить смертную казнь в течение трех лет, а до этого — ввести мораторий на исполнение смертных приговоров [3, с. 265–286]. Пока данный вид наказания не только не отменен, но даже законопроекта о его отмене в Государственной Думе РФ нет. В сложившейся ситуации вначале Президент России заблокировал исполнение смертной казни, отказавшись рассматривать ходатайства о помиловании осужденных, затем Конституционный Суд РФ 2 февраля 1999 г.[1] постановил, что российские суды без вердикта присяжных не имеют права приговаривать к смертной казни. С момента вступления в силу данного постановления Конституционного Суда РФ и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может, независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей. Наконец, указами Президента РФ в феврале того же года были помилованы последние 720 (по другим источникам, 713 и 718) [4, с. 19] «дофевральских» смертников, 190 из которых отбывают 25-летний срок, а 530 содержатся в местах лишения свободы пожизненно.

В 2009 г. пришлось вернуться к вопросу о так называемом моратории на применение смертной казни (он до сих пор не оформлен никаким нормативным правовым актом). Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд России с ходатайством о разъяснении п. 5 резолютивной части постановления КС РФ от 2 февраля 1999 г., поскольку полагал, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения с 1 января 2010 г. судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд пришел к выводу, что исполнение разъясняемого пункта постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории России, не открывает возможности применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Аргументируя свою позицию, Конституционный Суд указал, что «в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый про-

[1] По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21949.

цесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода», смертную казнь применять нельзя.

О небесспорности и малоубедительности данного определения Конституционного Суда РФ свидетельствует тот факт, что судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин высказал по нему особое мнение, а Верховный Суд России спустя несколько месяцев вновь был вынужден обратиться в Конституционный Суд с просьбой разъяснить положение п. 4.3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ уже от 19 ноября 2009 г. «в том смысле, может ли оно (определение) быть истолковано как означающее невозможность после 16 апреля 1997 г. назначить наказание в виде смертной казни». Как отмечается в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 16 июля 2010 г.[2], такие сомнения и необходимость пояснений могут возникнуть у отечественных судов общей юрисдикции в связи с тем, что об этом заявляют в своих обращениях о пересмотре решений осужденные на казнь, наказание которым в порядке помилования было изменено на пожизненное лишение свободы [5, с. 24–28].

Сомнения эти были развеяны, и в результате Конституционный Суд России в отношении смертной казни вынес своеобразный «смертный приговор». Возникает, однако, вопрос: есть ли «жизнь» у смертной казни после такой «смерти»?

Различным ветвям судебной власти не пришлось бы так долго распутывать этот гордиев узел, если бы Конституционный Суд РФ нашел в себе мужество признать конституционным с 1 января 2010 г. назначение и исполнение в России смертной казни как вида уголовного наказания, а российский законодатель внес бы изменения в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ и ст. 44, 59 УК РФ, исключив смертную казнь из системы уголовных наказаний.

Пока этого не сделано. Поэтому приходится признать, что правовая позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в п. 5 его постановления от 2 февраля 1999 г., не могла быть истолкована иначе, как допустимость назначения наказания в виде смертной казни с момента создания судов присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, т.е. с 1 января 2010 г., поскольку именно с этой даты начал функционировать суд присяжных заседателей в Чеченской Республике — последнем субъекте Российской Федерации, где такой суд не был сформирован. Иное расходилось бы со смыслом и содержанием постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод [6; 7, с. 121–143].

В связи с этим возникает и более принципиальный вопрос: насколько конституционен сам институт смертной казни, легитимен ли он? Отвечая на него, специально подчеркнем, что единственным наказанием, относительно которого имеется прямое конституционное предписание, является именно смертная казнь.

По мнению А.Ю. Кизилова [2, с. 3], внимание Конституции РФ к данному виду наказания обусловлено следующим: смертная казнь, выступая наказанием с максимально возможной карой, является концентрированным выражением вопроса о соотношении государства и личности. Применяя смертную казнь, государство максимально вторгается в личностную сферу. В настоящее время следует признать, что вопрос о смертной казни стал политическим: отношение государства к исследуемому виду наказания превращается в международно-правовой стандарт, по которому оценивается демократичность политической и правовой системы государства. Смертная казнь — это не просто уголовное наказание, но также относительно самостоятельное уголовно-правовое явление, имеющее внешнеполитическое значение и оказывающее существенное влияние на сознание общества [7, с. 112].

Особое политическое и правовое значение института смертной казни предопределяет необходимость анализа конституционных требований к указанному наказанию и адекватности их имплементации в уголовном законе.

В содержании ч. 2 ст. 20 Конституции РФ может быть выделено пять таких требований, одновременно являющихся конституционными признаками смертной казни: временный характер смертной казни; факультативность ее зако-

[2] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года : утв. постановлением Президиума Верхов. Суда РФ от 16.06.2010 г. : (ред. от 08.12.2010 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101956.

нодательного установления; исключительность данного наказания; особый круг преступлений, за совершение которых может быть предусмотрено наказание в виде смертной казни; особый порядок исполнения смертной казни[3].

«Смертная казнь как вид наказания легитимна уже потому, — справедливо заключает С.А. Антипов, — что сама Конституция РФ предусматривает возможность ее законодательного установления и определяет условия и порядок применения этого наказания» [8, с. 117].

Решение, принятое Конституционным Судом РФ, представляется спорным и ряду других ученых.

Во-первых, разъясняя собственное решение, Конституционный Суд РФ расширил его содержание, указав иные юридические основания для невозможности применения смертной казни: возникновение на основе сложившейся практики и международно-правового влияния определенного юридического режима, свидетельствующего об отказе от применения данного наказания. Тем самым Суд, в сущности, признал нормативную силу сформировавшейся правовой практики в условиях, когда не отменен уголовный закон, предусматривающий смертную казнь в качестве вида наказания. По мнению правоведов, Конституционный Суд РФ, сделав такие выводы, подменил собой законодателя и вышел за рамки своей компетенции как органа конституционного контроля. По сути, он сформулировал новые нормы, содержание которых существенно расходится с положениями ст. 20 Конституции РФ.

Во-вторых, разъяснение, данное Конституционным Судом РФ, не устраняет, а усиливает правовую неопределенность в вопросе о смертной казни. Непонятно, почему наказание, предусмотренное нормой уголовного закона, которая не подверглась проверке на ее конституционность, не может быть применено [8, с. 120; 9, с. 13].

В силу отмеченных обстоятельств фактически сложившийся режим в отношении смертной казни, к тому же введенный с небезупречными основаниями, вряд ли можно назвать конституционно-правовым. В данном случае судьи Конституционного Суда РФ использовали больше политико-декларативные, нежели юридические средства для достижения благородных, гуманных целей [10, с. 115–116].

На наш взгляд, смертная казнь в целом соответствует общим конституционным требованиям к уголовному наказанию, предусмотренным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако в настоящий момент она, оставаясь в УК РФ как вид наказания, ни назначена, ни тем более исполнена практически быть не может. Как долго сохранится достигнутый к сегодняшнему дню в отношении смертной казни *status quo* под девизом: «Ни отмены — ни применения»?

Вариантов решения проблемы несколько. Во-первых, можно не только оставить смертную казнь в УК РФ, но и «разморозить» процедуру ее применения. Основаниями для этого будут служить следующие соображения. Продолжая сохранять смертную казнь как вид наказания, законодатель, очевидно, не способен игнорировать ни исторические традиции, ни реалии современной криминальной России, ни голос общественного мнения. Нетерпимость же общественного мнения в этом вопросе имеет довольно масштабные формы. Хотя доля лиц, являющихся сторонниками смертной казни, уменьшилась в 2019 г. (по сравнению с 2002 г.) с 68 до 49 %, она по-прежнему еще очень велика[4].

Симптоматично, что даже «толерантнейшая» Русская православная церковь не возражает против возможности применения смертной казни в современной России. Она исходит при этом из признания того, что смертная казнь была приемлема в ветхозаветные времена, а указания на необходимость ее отмены «нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви», припоминая, впрочем, что «Церковь часто принимала на себя долг печалования об осужденных на казнь, прося для них милости и смягчения наказания» [11, с. 273].

В сложившейся ситуации светская власть (прежде всего законодательная) не находит в себе сил не удовлетворить желание населения в сохранении смертной казни. Уступку государства общественному чаянию жестокости Д.А. Шестаков метафорично назвал «синдромом Понтия Пилата» [12, с. 28].

Настолько же распространенным, насколько и ошибочным является глубоко укоренившийся в широких слоях общества взгляд на то, что только усилением наказания и ужесточени-

[3] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution.

[4] Смертная казнь // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2017/02/08/smertnaya-kazn.

ем карательной практики можно и нужно вести борьбу с антиобщественным поведением. В жесткости, а нередко и в жестокости наказания многие видят панацею от всех бед, связанных с неблагоприятным течением преступности. Отсюда многочисленные предложения граждан о необходимости усиления карательных мер. В устах наиболее экстремистски настроенной части населения даже принцип талиона приобрел несколько иное звучание, типа, за око — два ока, за один зуб — всю нижнюю челюсть!

Отмеченные дефекты общественного правосознания и психологии требуют их устранения на основе проведения соответствующих правовоспитательных мероприятий. Законодатель не может абстрагироваться от издержек общественного мнения и существующего уровня правосознания населения, которое предварительно надо подготовить через идею права и научно разработанного института уголовного наказания как такового. Другими словами, к окончательной отмене «пережитка народного правосознания» следует соответствующим образом подготовиться [13, с. 111]. В противном случае искаженные представления о возможностях уголовной репрессии в борьбе с преступностью могут стать непреодолимым препятствием на пути к научно обоснованной депенализации смертной казни. Пока же приходится констатировать, что степень подготовленности общественного правосознания значительных групп населения к восприятию обоснованности полной отмены названного наказания еще крайне невысока. В этих условиях самый простой выход для законодателя — сохранить смертную казнь в УК РФ. Или пойти еще дальше по указанному пути, дополнив список норм, предусматривающих в санкциях смертную казнь, статьями об изнасиловании, терроризме, бандитизме, диверсии и др., как это предлагают сделать отдельные криминалисты [14; 3; 15].

Есть и второй путь: можно попытаться навязать обществу идеалы человеколюбия силой, исключив смертную казнь и резко расширив сферу применения пожизненного лишения свободы. Однако вряд ли и указанную меру можно безоговорочно признать гуманной, особенно если учесть, что российские «смертники» вынуждены будут коротать оставшийся век в условиях ненамного лучших, чем те, которые существовали в казематах Бастилии или Петропавловской крепости. В разных странах мира от 15 до 30 % пожизненно заключенных желали бы изменить свой вид наказания на смертную казнь, которая для них была бы более гуманной[5].

Тем не менее при всей бесспорной антигуманности смертной казни как таковой и небесспорной гуманности пожизненного лишения свободы, приходится констатировать, что в нынешних условиях российский законодатель понизил уровень применения смертной казни «ниже низшего» предела, т.е. довел этот уровень до такой черты, за которой наступает только полная отмена данного вида наказания. Пока это, пожалуй, объективно невозможно, ибо правосознание российского обывателя уже смирилось с пониманием того, что сжигать ведьм на костре или вешать фальшивомонетчиков негуманно, но еще не доросло до осмысления того, почему надо считать варварством расстрел душегуба.

Имеются и чисто технические причины, препятствующие скорейшему законодательному «секвестированию» смертной казни. Дело в том, что изъять ст. 20 из Конституции РФ (как необходимое условие для внесения соответствующих корректив уже в УК РФ) не так-то просто. Такая инициатива вначале должна быть поддержана тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации, затем Конституционное Собрание двумя третями голосов от общего числа его членов должно принять проект обновленной Конституции РФ. Допускаем, что в случае попытки решения вопроса об отмене смертной казни преодоление всех процедурных барьеров может и не увенчаться успехом.

Нельзя не учитывать также и то, что по состоянию на 1 января 2026 г. исключительная мера наказания в виде смертной казни полностью отменена лишь в 106 странах мира. Еще 28 стран сохранили смертную казнь в законодательстве, но не применяют ее на практике в течение последних 10 и более лет (Алжир, Гана, Замбия, Лаос, Марокко, Танзания, Тунис и др.). Наконец, 56 стран мира до сих пор применяют смертную казнь за различные категории преступлений. Среди них Афганистан, Вьетнам, Индия, Ирак, Иран, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, США, Япония и др.

По сведениям Amnesty International, в 2019 г. во всем мире было зафиксировано 2 307 смертных приговоров, что несколько меньше, чем в 2018 г., — 2 531. Однако количе-

[5] Пожизненное заключение: казните нас! // BBC — Russian. URL: http: //news.Bbc.co.uk/hi/Russian/Life/newsid_6708000/6708201.Stm.

ство стран, где выносились смертные приговоры, за это время увеличилось с 54 до 56. В четырех странах (после перерыва) в 2019 г. снова стали выносить смертные приговоры.

Согласно имеющимся данным, в мире в 2019 г. было проведено как минимум (т.е. без учета Китая и КНДР, где вся информация о смертных казнях засекречена) 667 казней, на 5 % меньше, чем в 2018 г. (как минимум 690). В этом же году возобновили проведение смертных казней Бангладеш и Бахрейн, несколькими годами раньше — Ботсвана, Индонезия, Кувейт, Нигерия, Судан, Таиланд и Тайвань.

В 2019 г. отмечен рост числа казней в Беларуси, Египте, Ираке, Иране, Пакистане, Сомали[6]. Однако принято считать, что за последние 10 лет в среднем 76 % всех зафиксированных в мире казней и 70 % всех смертных приговоров приходились на долю Китая [16, с. 197]. Объективности ради отметим, что «Поправками к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 8», принятыми 25 февраля 2011 г., смертная казнь изъята из санкций 13 составов преступлений экономического и ненасильственного характера (19,1 % от общего числа составов преступлений, предусматривающих смертную казнь); усовершенствован институт смягчения наказания в отношении преступников, приговоренных к смертной казни с отсрочкой исполнения; откорректировано соотношение смертной казни и пожизненного лишения свободы в рамках системы наказаний [17, с. 62–63; 18].

Методами приведения в исполнение смертных приговоров в 2018 г. послужили: обезглавливание (Саудовская Аравия); электрический стул (США); повешение (Бангладеш, Ботсвана, Египет, Иран, Ирак, Пакистан, Сингапур, Сирия, Судан, Южный Судан, Япония); смертельная инъекция (Вьетнам, Китай, США, Таиланд), расстрел (Бахрейн, Беларусь, Йемен, Китай, КНДР, Сомали, Тайвань). В Иране в 2018 г. двух человек приговорили к смерти через побивание камнями[7].

В послевоенной России пик применения смертной казни приходился на начало 60-х гг. В 1961 г. приговорено к расстрелу 1 890 чел., в 1962-м — 2 159. Затем число приговоренных резко падает (во второй половине 60-х гг. — ежегодно 379–577 чел.). За годы перестройки число осужденных к рассматриваемой мере наказания продолжало сокращаться (1987 г. — 344 чел., 1990 г. — 195) [19, с. 53–54].

В тот же исторический период работа судов по рассмотрению преступлений и вынесению наказания в виде смертной казни за особо тяжкие преступления постепенно была сведена на нет. По сути дела, квалифицированная оценка судами подменялась юридически некомпетентным органом, каким являлась Комиссия по вопросам помилования при Президенте. По официальным данным, фактически в этот период приведены в исполнение лишь немногие из смертных приговоров: в 1993 г. — 10, в 1994 г. — 10. Удельный вес помилованных в период с 1992 по 1994 г. составил от 90,5 до 98,2 % [20, с. 437; 21, с. 201]. Столь своеобразная практика реализации института смертной казни дала основание А.С. Михлину заключить: «Помилование не может быть правилом, иначе наказание теряет смысл, создается представление, что оно вообще не применяется» [22, с. 114].

С принятием нового УК РФ показатели вынесения смертных приговоров еще больше уменьшились: в 1997 г. приговорено 202 осужденных, в 1998 г. — 112. В результате коэффициент осужденных к смертной казни в России за отмеченный промежуток времени снизился более чем в 30 раз. Это свидетельствует об устойчивости тенденции к свертыванию смертной казни как наиболее острой формы уголовной репрессии.

Те же тенденции можно зафиксировать, как мы уже отмечали, и в международном праве. Установив запрет международным судам выносить смертные приговоры и определив цель — полную отмену смертной казни, современное международное право допускает ее применение государствами, еще не отменившими этот вид наказания. Однако все указанные государства обязаны при вынесении смертных приговоров выполнять определенные требования. Напомним их.

1. Смертная казнь может быть установлена законом государства только «за самые тяжкие преступления» и как «исключительный вид наказания».

2. Запрещается расширять в законе круг преступлений, караемых смертной казнью.

3. Недопустимо придавать обратную силу уголовному закону, предусматривающему наказание в виде смертной казни.

4. Запрещается вынесение смертных приговоров лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет.

[6] Глобальный доклад. Смертные приговоры и казни, 2019 // Amnesty International. URL: https://amnesty.org.ru›pdf.

[7] Там же.

5. Запрещается смертная казнь в отношении беременных женщин, женщин, имеющих детей, и пожилых людей в возрасте старше 70 лет.

6. Запрещается приведение в исполнение смертных приговоров в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями (душевнобольных).

7. Международное право обязывает все государства предоставлять право на апелляцию любому лицу, в отношении которого вынесен смертный приговор.

8. Международное право обязывает государство предусмотреть в законе, чтобы любой приговоренный к смертной казни имел возможность подать прошение о помиловании.

9. Предписывается всем государствам соблюдать право на справедливость судебного разбирательства [21, с. 215–216].

Между тем в России официальная власть, блокировав однажды применение смертной казни вопреки мнению большинства населения, несмотря на значительное ухудшение криминальной ситуации в стране, не торопится с введением в действие данной меры наказания впредь, хотя и внутринациональное, и международное право позволяет сделать это. К сожалению, не создано и какого-либо наказания — заменителя смертной казни, которое бы в максимальной степени обеспечивало окончательную изоляцию осужденного от общества и отвечало целям применения исключительной меры (восстановление социальной справедливости, абсолютное специальное предупреждение преступлений, общее предупреждение преступлений) [23, с. 60].

Считать таким наказанием пожизненное лишение свободы по причинам, о которых уже говорилось выше, не приходится. К сказанному можно добавить, что у пожизненно осужденных теоретически допускается даже расчет на условно-досрочное освобождение. По имеющимся данным, практически абсолютное большинство убийц, находясь в местах заключения, не испытывает субъективной потребности в покаянии. Все внутренние силы таких преступников используются ими для того, чтобы пережить лишение свободы, защититься от обвинения, отстоять желаемый статус среди других лишенных свободы, приспособиться к новым условиям жизни. А некоторые из них даже строят планы на будущее и смотрят в него не без оптимизма [24, с. 120–139].

Отдельного рассмотрения в связи с этим заслуживает некий компромисс, который не так давно предложил В.А. Тирранен. Он полагает целесообразным сконструировать новый вид уголовного наказания, сочетающего в себе элементы пожизненного лишения свободы и смертной казни, назвав его «терминальное наказание». Под ним автор подразумевает изъятие осужденного из общества с предоставлением приговоренному возможности сделать выбор способа исполнения данного наказания между бессрочной изоляцией от общества без права освобождения либо лишением жизни [25, с. 141]. Идея сама по себе интересная. Однако не слишком ли «диспозитивным» будет такое наказание? Не чересчур ли оно будет похоже на попытку государства уйти от решения сложнейшей дилеммы, возложив бремя ее решения на частное лицо по принципу «спасение (не спасение) жизни приговоренного есть дело рук самого приговоренного»? Оставляем вопросы без ответа.

Итак, на примере отношения законодателей и правоприменителей разных стран мира к смертной казни мы убедились, что вести борьбу с негативными социальными явлениями можно различными способами. Но ясно и другое: цели, стоящие перед уголовной репрессией, должны достигаться не любыми средствами, не любой ценой. В правовом государстве борьба с преступностью должна вестись демократическими и по возможности гуманными методами. Реализация раздающихся в последнее время призывов «твердой рукой» навести «железный порядок», сбить волну преступности «красным террором», перейти к «чрезвычайщине» и масштабному применению смертной казни может в конечном счете привести только к тому, с чем мы уже неоднократно сталкивались в нашей истории, — к диктатуре, беззаконию, массовым репрессиям, тоталитаризму. Думается, что с уголовной политикой России, перешагнувшей порог XXI в., такая метаморфоза уже не случится.

Так каково же будущее смертной казни в России?

Слова выдающегося русского ученого-правоведа Н.С. Таганцева о том, что «недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших потомков сам спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников» [26, с. 139], оказались столь же непророческими, как и знаменитые фразы персонажей известных пьес великого русского писателя А.П. Чехова:

«Все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести-триста лет настанет новая счастливая жизнь… Мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка» [27, с. 360, 333]. В отличие от технического и технологического прогресса, прогресса нравственного за это время не произошло.

Но есть пророки и в нашем отечестве. И.М. Рагимов ответ на вопрос о будущем смертной казни облек в форму некоего предначертания: «Общества, отказавшиеся от этого наказания, вновь вернутся к вопросу о ее восстановлении, а те страны, которые сохранили по сегодняшний день смертную казнь, еще больше убедятся в правильности своей позиции. Для такого вывода существуют религиозные, философские и юридические основания» [28]. Аргументы автора убеждают нас в этом.

Что касается смертной казни как вида наказания в системе уголовных наказаний России, то остается надеяться, что рано или поздно (а скорее всего — в весьма отдаленной перспективе) и у нас созреют условия для ее полной отмены, и тогда государство откажется от такого наказания. Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности). Иначе альтернативой исследуемому виду наказания в реальной жизни будут по-прежнему оставаться акты самочинной расправы или завуалированные под самооборону либо правомерное задержание преступников акции по их физическому уничтожению [29].

Как справедливо замечает по этому поводу Н.С. Пономарев, «формально провозгласив мораторий на смертную казнь, государство фактически санкционирует ее применение, в частности, в ходе проведения контртеррористических операций, лицемерно именуя умышленное лишение жизни человека без суда и следствия нейтрализацией боевиков» [30, с. 308].

В подкрепление итоговой мысли сошлемся на позицию (доктринальную) судей Конституционного Суда РФ К.В. Арановского и С.Д. Князева, оформленную ими в виде следующего тезиса: «Право нельзя свободно менять без уважительных на то оснований и уважающих его ритуалов. Даже отжившее право умеет постоять за себя и мстить. Если, скажем, смертную казнь просто решительно отменить по гуманным соображениям без долгих процедур и прежде, чем она определенно будет опровергнута и в этических своих основах, если не дать мстительности замереть в человечестве, не успокоить ее в неопределенности моратория с обещанием пожизненного лишения свободы, то люди с вероятностью в значительном числе случаев будут убивать друг друга без всякого права — тогда к уголовному (корыстному, хладнокровному, аффективному, ревнивому и т.д.) убийству прибавятся убийства на сильной морально-этической подоплеке» [31, с. 139].

К тем аргументам в пользу сохранения смертной казни в системе уголовных наказаний России, что уже были высказаны выше, можно добавить ряд доводов.

Смертная казнь нужна в России, помимо прочего, еще и для того, чтобы расставить окончательные акценты в подаренной нам классиком известной аллюзии «тварь я дрожащая или право имею». Нет у человека права убивать себе подобных. А если возникает у него мысль о возможности и допустимости учинения подобного злодеяния, то именно государство с помощью смертной казни обязано развеять потенциальную или реальную убежденность такого человека в его «правоте».

Насколько, однако, целесообразной будет акция государства по восстановлению смертной казни и можно ли вообще вести речь о достижении каких-либо целей, преследуемых данным видом наказания? Преломляя смертную казнь сквозь призму целей, стоящих перед наказанием, можно заключить, что цель частной превенции достигается с абсолютной достоверностью, общей превенцией — с допустимой вероятностью, справедливости — с внутренней (субъективной) ментальной убежденностью. Говорить же при этом об исправлении преступника можно, лишь признав истинной откровенно циничную пословицу: горбатого могила исправит. Но и возможного достижения трех предыдущих целей вполне достаточно, чтобы признать целесообразность сохранения смертной казни в уголовном законе и оправданность ее применения в судебной практике.

Смертная казнь, действительно, бессмертна. Она может быть реинкарнирована и в России. В случае возобладания идеи восстановления в своих правах смертной казни как вида уголовного наказания есть смысл на законода-

тельном уровне усовершенствовать этот уголовно-правовой институт.

Во-первых, можно сократить перечень составов преступлений, в санкциях которых фигурирует смертная казнь, до двух (или даже одного), оставив в нем только квалифицированное убийство. Преступления, предусмотренные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, — это специальные разновидности убийства. Для их оценки вполне достаточно будет п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга). Необходимо лишь расширить этот пункт за счет включения в него дополнительного круга потерпевших с особым статусом. Что касается геноцида, то а) не все его разновидности сводятся к убийству [32, с. 33–34]; б) ни в одном международно-правовом документе не содержится прямого указания на обязанность государств включать в свое национальное законодательство смертную казнь как меру наказания за совершение акта геноцида. Поэтому в санкции ст. 357 УК РФ вполне можно ограничиться пожизненным лишением свободы как самой суровой мерой наказания. Совершение же геноцида в форме убийств будет дополнительно квалифицироваться по ч. 2 ст. 105 УК РФ с возможным применением к осужденному в качестве наказания смертной казни.

Во-вторых, следует предусмотреть отсрочку исполнения смертного приговора (как это сделано, например, в УК Китая). Она должна назначаться судом на срок не более трех лет и может служить дополнительным средством избежания судебных ошибок.

В-третьих, целесообразно, по нашему мнению, сориентировать судебную практику на назначение смертной казни за совершение не любого квалифицированного убийства, а, главным образом, множественных убийств, а также убийств, совершенных с особой жестокостью, общеопасным способом, сопряженных с террористическим актом.

В-четвертых, требует совершенствования и способ осуществления смертной казни. Из применяемых в настоящее время способов ее исполнения самым безболезненным, на наш взгляд, является смертельная инъекция. В рамках XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (18–25 апреля 2005 г., Бангкок) автору настоящей статьи в качестве официального участника Конгресса была предоставлена возможность посетить одну из образцово-показательных тюрем Таиланда, где, помимо прочего, был продемонстрирован в мельчайших подробностях документальный фильм о приведении в исполнение смертной казни убийцы путем инъекции. Опуская детали, могу подтвердить, что, судя по реакции приговоренного, процедура казни была осуществлена совершенно безболезненно [33].

И, наконец, последнее: если мораторий на смертную казнь в России будет дезавуирован, а в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство внесены соответствующие коррективы, то ежегодно в стране, судя по статистике, будут казнить 10–15 человек, приговоренных к этой экстраординарной мере возмездия за совершение воистину вопиющих, из ряда вон выходящих, резонансных убийств, требующих с точки зрения принципов уголовного права, целей уголовного наказания и общественного мнения именно такого (и никакого иного) наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квашис В.Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы : монография / В.Е. Квашис, Ю.Е. Пудовочкин. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. — 608 с. — EDN RAZSNL.

2. Кизилов А.Ю. Смертная казнь: апология: Уголов.-правовой очерк / А.Ю. Кизилов. — Москва, 2003. — 49 с. — EDN QVPIRR.

3. Полный курс уголовного права : в 10 т. / под ред. А.И. Коробеева. — Санкт-Петербург : Юридический центр — Академия, 2021. — Т. IV. Наказание. Иные меры уголовно-правового характера. — 725 с.

4. Старков О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О.В. Старков, С.Ф. Милюков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. — 459 с.

5. Голик Н.М. Проблемы уголовных наказаний в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1995–2010 гг.). Аналитический обзор / Н.М. Голик. — Москва, 2011. — С. 24–28.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными постановлениями Конституционного Суда РФ / Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; ред. А.И. Чучаев. — Москва : Проспект, 2021. — 752 с. — EDN QYWMIZ.

7. Никонова Н.П. Смертная казнь как вид уголовного наказания : дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.08 / Н.П. Никонова. — Тюмень, 2004. — 174 с.

8. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / С.А. Антипов. — Москва : Проспект, 2012. — 144 с.

9. Сауляк О.П. Обязана ли Россия отменять смертную казнь: Конституционные и международно-правовые аспекты проблемы / О.П. Сауляк. — EDN MNMNGX // Мировой судья. — 2006. — № 5. — С. 11–13.

10. Малько А.В. Теория правовой политики : монография / А.В. Малько. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 328 с. — EDN QYSVBT.

11. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. — Москва : Норма, 2009. — 335 с. — EDN QUSJZL.

12. Шестаков Д.А. Суждение о преступности и вокруг нее / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. — 84 с.

13. Азарян Е.Р. Преступление. Наказание. Правопорядок / Е.Р. Азарян. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 227 с. — EDN QVWPHD.

14. Афонин И.Н. Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.Н. Афонин. — Санкт-Петербург, 1999. — 24 с.

15. Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность / А.Л. Дзигарь. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2003. — 254 с. — EDN QVVOAH.

16. Коробеев А.И. Смертная казнь: целесообразность сохранения / А.И. Коробеев. — DOI 10.17803/1729-5920.2016.116.7.190-199. — EDN WJXDDJ // Lex Russica. — 2016. — № 7 (116). — С. 190–199.

17. Пан Д. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае / Д. Пан // Криминологический журнал. — 2011. — № 2 (16). — С. 61–67.

18. Лун Чанхай. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) / Чанхай Лун, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев. — DOI 10.17803/1729-5920.2018.136.3.128-142. — EDN YULLCO // Lex Russica. — 2018. — № 3 (136). — 128–142.

19. Михлин А.С. Смертная казнь. Вчера, сегодня, завтра / А.С. Михлин. — Москва, 1997. — 168 с.

20. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России : монография / С.В. Жильцов; отв. ред. В.С. Комиссаров. — Москва : Зерцало-М, 2002. — 460 с. — EDN SBITUD.

21. Мезяев А.Б. Смертная казнь и современное международное право / А.Б. Мезяев. — Москва : Права человека, 2006. — 252 с.

22. Михлин А.С. Высшая мера наказания: История, современность, будущее / А.С. Михлин. — Москва : Дело, 2000. — 174 с.

23. Шарапов Р.Ф. Старые и новые проблемы системы уголовных наказаний / Р.Ф. Шарапов. — EDN YQDZHT // Российской юридический журнал. — 2017. — № 6 (117). — 116–121.

24. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. — Москва : Норма, 2010. — 366 с.

25. Тирранен В.А. Высшие меры уголовного наказания: новое слово в старом споре : монография / В.А. Тирранен. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 182 с. — EDN UAKQIF.

26. Таганцев Н.С. Смертная казнь / Н.С. Таганцев. — 2-е изд. — Москва : URSS, 2016. — 177 с.

27. Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. / А.П. Чехов. — Москва : ГИХЛ. — 1956. — Т. 9. — 499 с.

28. Рагимов И.М. Оправдание наказания. Исторические, религиозные, философские, социологические аспекты / И.М. Рагимов. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2024. — 228 с.

29. Смирнов А.М. Самосуд в России : монография / А.М. Смирнов. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 384 с. — EDN TMTZEF.

30. Пономарев Н.С. Смертная казнь: от Древней Руси до России : монография / Н.С. Пономарев. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 327 с. — EDN YNDLSU.

31. Арановский К.В. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений : монография / К.В. Арановский, С.Д. Князев. — Москва : Проспект, 2016. — 204 с.

32. Кибальник А.Г. Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии : монография / А.Г. Кибальник, А.С. Мартиросян. — Москва : Юрлитинформ, 2015. — 191 с. — EDN TMUEVX.

33. Голик Ю.В. Преступность — планетарная проблема. (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. — 213 с. — EDN QXGEQJ.

REFERENCES

1. Kvashis V.E., Pudovochkin Yu.E. *Where is the Capital Punishment Going. Global Trends, Problems and Prospects.* Saint Petersburg Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2011. 608 p. EDN: RAZSNL.

2. Kizilov A.Yu. Capital Punishment: Apology: Criminal Law Essay. Moscow, 2003. 49 p. EDN: QVPIRR.

3. Korobeev A.I. (ed.). *A Complete Course in Criminal Law*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr – Akademiya Publ., 2021. Vol. IV. 725 p.

4. Starkov O.V., Milyukov S.F. *Punishment: Criminal Law and Criminological Analysis.* Saint Petersburg Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2001. 459 p.

5. Golik N.M. *Problems of Criminal Punishments in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (1995–2010). Analytical Review.* Moscow, 2011, pp. 24–28.

6. Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchaev A.I.; Chuchaev A.I. (ed.). *Criminal Code of the Russian Federation with Article-by-Article Decrees of the Constitutional Court of the Russian Federation.* Moscow, Prospekt Publ., 2021. 752 p. EDN: QYWMIZ.

7. Nikonova N.P. *Capital Punishment as a Type of Criminal Punishment. Cand. Diss*. Tyumen, 2004. 174 p.

8. Antipov S.A. *Constitutional Basis of the General Part of Criminal Law.* Moscow, Prospekt Publ., 2012. 144 p.

9. Saulyak O.P. Must Russia Abolish Capital Punishment: Constitutional and International Law Aspects of the Problem. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2006, no. 5, pp. 11–13. (In Russian). EDN: MNMNGX.

10. Mal'ko A.V. *Theory of Legal Policy*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 328 p. EDN: QYSVBT.

11. Kharabet K.V., Tolkachenko A.A. *Christian Teaching on Crime and Punishment.* Moscow, Norma Publ., 2009. 335 p. EDN: QUSJZL.

12. Shestakov D.A. *Opinion on and around Crime.* Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Publ., 2015. 84 p.

13. Azaryan E.R. *Crime. Punishment. Law and Order.* Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2004. 227 p. EDN: QVWPHD.
14. Afonin I.N. *Capital Punishment: Problems of Sentencing and Execution under Russian Legislation. Cand. Diss. Thesis*. Saint Petersburg, 1999. 24 p.
15. Dzigar A.L. *Capital Punishment and Crime.* Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 2003. 254 p. EDN: QVVOAH.
16. Korobeev A.I. Death Penalty: the Rationale for Maintaining. *Lex Russica*, 2016, no. 7, pp. 190–199. (In Russian). EDN: WJXDDJ. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.190-199.
17. Pan Dunmehi. New Tendencies in the Development of Criminal Legislation in China. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2011, no. 2, pp. 61–67. (In Russian).
18. Lun Chankhai, Korobeev A.I., Chuchaev A.I. The Criminal Code of the People's Republic of China: The Improvement in the Process of Implementation (the 20th Anniversary of the Adoption). *Lex Russica*, 2018, no. 3, pp. 128–142. (In Russian). EDN: YULLCO. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.128-142.
19. Mikhlin A.S. *Capital Punishment. Yesterday, Today, Tomorrow.* Moscow, 1997. 168 p.
20. Zhil'tsov S.V.; Komissarov V.S. (ed.). *Capital Punishment in Russian History.* Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 460 p. EDN: SBITUD.
21. Mezyaev A.B. *Capital Punishment and Modern International Law.* Moscow, Prava cheloveka Publ., 2006. 252 p.
22. Mikhlin A.S. *Capital Punishment: History, Modernity, Future.* Moscow, Delo Publ., 2000. 174 p.
23. Sharapov R.F. The Existing and Emerging Problems of the Russian Criminal Punishment System. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 6, pp. 116–121. (In Russian). EDN: YQDZHT.
24. Antonyan Yu.M., Ehminov V.E. *Personality of a Criminal. A Criminological-Psychological Study.* Moscow, Norma Publ., 2010. 366 p.
25. Tirranen V.A. *Strictest Measures of Criminal Punishment: A New Word in an Old Debate.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 182 p. EDN: UAKQIF.
26. Tagantsev N.S. *Death Penalty.* 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2016. 177 p.
27. Chekhov A.P. *Collected Works*. Moscow, GIKHL Publ., 2016. Vol. 9. 499 p.
28. Ragimov I.M. *Justification of Punishment. Historical, Religious, Philosophical, Sociological Aspects.* Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Publ., 2024. 228 p.
29. Smirnov A.M. *Mob Law in Russia.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 384 p. EDN: TMTZEF.
30. Ponomarev N.S. *Death Penalty: From Ancient Rus to Russia.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 327 p. EDN: YNDLSU.
31. Aranovskii K.V., Knyazev S.D. *Rule of Law and Legal State in the Correlation of Signs and Meanings.* Moscow, Prospekt Publ., 2016. 204 p.
32. Kibal'nik A.G., Martirosyan A.S. *Genocide in the Decision of International Tribunals on Ruanda and Former Yugoslavia.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 191 p. EDN: TMUEVX.
33. Golik Yu.V., Korobeev A.I. *Crime as a Planetary Problem. (To the Results of the 11th UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice).* Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2006. 213 p. EDN: QXGEQJ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коробеев Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, akorobeev@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-2779-7809, СПИН-код: 4551-1210.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korobeev, Alexander I. — Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, akorobeev@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-2779-7809, SPIN-Code: 4551-1210.